

Возмутитель спокойствия

Саймон Уилсон представляет
Дарона Асемоглу

В ПЕРВЫЕ Дарон Асемоглу убедился в важности регулирования в рыночной системе, когда провел ночь в тюрьме. Он был тогда подростком и в числе других начинающих водителей, еще не имеющих водительских прав, гонял по пустому шоссе в Стамбуле, Турция, которое обычно использовалось для практики такими начинающими водителями, как он. Но в тот день решила вмешаться полиция. После быстрой облавы Асемоглу и несколько других водителей были отправлены в камеры одного из центральных полицейских участков, а на следующее утро они получили суровый выговор.

«Без правил и предсказуемых законов рынки не работают», — с сожалением признает Асемоглу, который теперь стал старше и мудрее и является профессором прикладной экономики фонда Чарльза П. Киндлбергера в Массачусетском технологическом институте (МТИ). Несколько часов разглядывания бетонной изнанки его камеры и последующее административное взыскание надолго привили ему осознание важности беспристрастно применяемых правил, даже на очевидно свободных рынках.

«Все до единого рынки в мире регулируются, вопрос лишь в степени регулирования», — размышляет Асемоглу, глядя из окна своего кабинета на холодный белесый пейзаж замерзшей реки Чарльз, протекающей через Кембридж, штат Массачусетс. «Когда есть некий судья, следящий за исполнением законов, это означает регулирование. Это значительно более ощутимо в развивающихся странах, где рынки не работают именно из-за отсутствия необходимых правил и институтов. Государство часто является преградой для функционирования рынков, но чтобы рынки действительно могли работать, им требуется государствен-

ная поддержка посредством поддержания правопорядка, регулирования и государственных услуг».

Ранний опыт

Знакомство в раннем возрасте с работой правоохранительных органов было одним из факторов, побудивших Асемоглу избрать его карьеру, которая в последнее время посвящена вопросу о том, почему некоторым государствам удается стать действенными источниками богатства и реализации человеческих возможностей, тогда как другие становятся и остаются государствами-банкротами. Этот экономист, родившийся в Стамбуле, пришел к этой области исследований окольным путем. Сначала он изучал политологию, затем распространил свои исследования на экономику, а позже и вовсе прекратил изучение политики.

В Йоркском университете в северной Англии в середине 1980-х годов Асемоглу сосредоточился на макроэкономике, но все более приходил к выводу, что макроэкономические тенденции проистекают из микроэкономики. «Если хочешь полностью разобраться в более общей макроэкономической ситуации, включая рост, политическую экономию, долгосрочные проблемы, нужно понять базовые принципы на микроуровне, такие как стимулы, распределение ресурсов, технологический прогресс и накопление капитала».

Благодаря этому осознанию и разъяснению взаимного наложения и взаимодействия двух основных дисциплин экономики Асемоглу воплотил в себе необычный гибрид, вносящий сумятицу в устоявшееся разграничение. «Многое из того, чем я занимаюсь, — это теория политической экономики, которая, в свою очередь, по существу во многом сводится к применению теории игр. Так что можно сказать, что это исследования микроуровня, но они также решают задачи выяснения более общей картины, которые составляют предмет гордости исследователей макроуровня».

После Йорка Асемоглу закончил аспирантуру Лондонской школы экономики (ЛШЭ), где он пережил «поворотный момент», встретив Джеймса Робинсона, ныне профессора государственного управления в Гарвардском университете, который стал его многолетним партнером в научной работе. Асемоглу и Робинсон разговорились и быстро перешли от слов к делу. «Мы согласились, что главным фактором для запуска процесса экономического развития является демократия, — вспоминает Асемоглу. — Но не было моделей, объясняющих становление демократии, и политологическая литература ничем не могла помочь, поэтому мы занялись этой темой в 1995 году и до сих пор продолжаем эту работу».

Робинсон вспоминает размахивающего руками человека в помятом костюме, сидящего в первом ряду участников семинара ЛШЭ, который громко выражал сомнения в обоснованности его методологии. «В начале 1992 года я выступал на семинаре с презентацией моего исследования, и прямо передо мной сидел очень надоедливый аспирант, который постоянно прерывал меня и придирался к моей презентации. Потом мы с компанией пошли поужинать, и я очутился за столом рядом с тем же назойливым типом. Однако мы разговорились, и я узнал, что у него есть кое-какие оригинальные идеи, которые он очень вразумительно объяснял. Это был Дарон». По-видимому, Асемоглу систематически использует тактику спора для оценки потенциальных партнеров по научной работе, поскольку другой будущий соавтор, профессор экономики ЛШЭ Стив Пишке, вспоминает, что с ним случилась такая же история. «Я выступал с лекцией на семинаре в ЛШЭ в 1991 году, и этот несносный аспирант в первом ряду все расспрашивал меня о методах моей работы и требовал дополнительной информации, — вспоминает Пишке. —

И потом, когда мы пошли в ресторан, Дарон тоже за словом в карман не лез».

Совместные исследования

К началу 1993 года Асемоглу и Робинсон, который тогда преподавал в Австралии, стали обмениваться идеями о темах исследований, пользуясь новомодным средством связи. «Это был мой первый опыт использования электронной почты, — вспоминает Робинсон. — Мы начали посылать друг другу свои работы по электронной почте, и вдруг выяснилось, что мы, независимо и в отдельности друг от друга, написали две почти идентичные работы на одну и ту же тему». Проявив свойственную настоящим экономистам глубокую неприязнь к дублированию работы и неэффективности, двое ученых стали объединять свои исследования.

К тому времени, когда его сотрудничество с Робинсоном набрало обороты, Асемоглу поступил на свою «первую настоящую работу» — в 1993 году он стал доцентом экономики в МТИ. Очень скоро его пренебрежительное отношение к сложившимся в его профессии ограничениям вызвало широкий резонанс в коридорах здания на берегах реки Чарльз. Вдохновленный оригинальностью вклада Робинсона, Асемоглу в своей работе в Кембридже, штат Массачусетс, продолжал развивать смешанное макро- и микронаправление исследований по теории политической экономии, которое он впервые наметил в Лондоне.

«Когда меня выдвинули на повышение в должности в МТИ, мои руководители в преподавательском составе отметили, что в основном я выполняю качественную и интересную работу, которая получила хорошие отзывы. Но они также сказали: “Право же, Вам следует оставить свое исследование по политической экономии”. В результате я отложил эту часть своей работы на последующие два года, пока не получил бессрочный контракт». К тому времени как в 1998 году Асемоглу была предоставлена тенура в МТИ, его подход в области политической экономии стал практически главным.

Концепции самоуспокоенности

Вместе с другими экономистами в высших учебных заведениях Асемоглу стал анализировать работу людей своей профессии (Acemoglu, 2009), чтобы выявить интеллектуальные просчеты, допущенные при оповещении о начале мирового экономического и финансового кризиса, который по-настоящему разразился в 2008 году, и принятии последующих мер. По его мнению, три концепции сыграли особенно заметную роль в приглушении сигналов тревоги.

Первым из них было представление о том, что проблему циклов деловой активности удалось решить за счет сочетания умелой разработки политики и прорывов в новых технологиях. В действительности же эти два эволюционных фактора усилили экономические взаимосвязи в такой степени, что создали потенциальный риск эффекта домино между финансовыми учреждениями, компаниями и домашними хозяйствами.

Во-вторых, были забыты институциональные основы рынков, и свободные рынки стали приравнять к нерегулируемым рынкам. Теперь мало кто возьмется утверждать, что проведения мониторинга рынков достаточно, чтобы предотвратить оппортунистическое поведение не охваченных регулированием лиц в погоне за прибылью, которые идут на риск, сулящий им выгоду в ущерб другим.

В-третьих, имела место переоценка репутационного капитала крупных организаций с многолетней историей, несмотря на ранние предупреждения, связанные с бухгалтерскими скандалами в компаниях Enron и WorldCom в начале 2000-х годов. Теперь доверию к способности таких организаций контролировать самих себя нанесен смертельный удар, и в будущем нарушения должны подвергаться строгому и эффективному наказанию.

После того как Асемоглу прочно закрепился в МТИ, он в 2005 году был награжден медалью имени Джона Бейтса Кларка Американской экономической ассоциации, которая присуждается самому влиятельному экономисту США в возрасте до 40 лет. Он работал с Робинсоном, который в то время преподавал в Беркли, а сейчас в Гарварде, над книгой «Экономические истоки диктатуры и демократии» (Economic Origins of Dictatorship and Democracy), которая была опубликована в 2006 году. «Меня по-настоящему интересовали вопросы экономической отсталости, поэтому я взялся за чтение работ авторов, изучавших теорию зависимости относительно того, как мир разделялся на бедных и богатых, потому что богатые эксплуатировали бедных. Меня очень занимал вопрос о том, почему Турция была бедной и недемократической страной».

В «Диктатуре и демократии» Асемоглу и Робинсон избрали направление исследований, которому они следуют по сей день. Они задают вопрос, почему некоторые страны представляют собой демократии, где регулярно проводятся свободные выборы и политические деятели подотчетны гражданам, тогда как другие страны демократиями не являются. Они выясняют, от каких факторов зависит, станет ли страна демократией, и почему демократические устои сохраняются и укрепляются в некоторых странах, но рушатся в других. Однако, аналогично истории карьеры самого Асемоглу, книга объясняет демократию с экономической, а не политической точки зрения, подчеркивая, что индивидуальные экономические стимулы определяют политические позиции.

В книге также ярко освещается принципиальное значение конфликтов в политической сфере, аналогичное роли кон-

куренции в экономической сфере. Различные общественные группы или социальные классы преследуют противоречащие друг другу (и обычно корыстные) интересы в отношении политических результатов. Эти противоположные интересы порождают хронические конфликты относительно характера политических институтов, определяющих политические результаты.

Совместная работа над этой книгой дала Робинсону более полное представление о постоянно расширяющемся круге научных интересов Асемоглу. «Большинство экономистов можно определить по их специализации или ориентации исследований, но не Дарона. Его не вместить в какую-либо категорию — он занимается всем, и почти для всего у него есть модель. Не знаю уж, откуда у него берется энергия для всех его областей интересов. Он работает с неуемной энергией». Возможно, эти страсть и целеустремленность могут мешать применению более созерцательного подхода? Робинсон признает: «Дарон бывает одержим отработкой каждой детали».

На раннем этапе своего сотрудничества они написали работу и направили ее в научный журнал. Письмо с ответом пришло, когда два автора совещались в кабинете Робинсона в Лос-Анджелесе. Отказ. «Я был крайне расстроен и подавлен, когда я прочел поверхностные отзывы рецензентов. Я просто сидел и смотрел в окно, недоумевая, что же делать дальше, — рассказывает Робинсон. — Я вернулся к Дарону и вижу, что он уже записывает алгебраические формулы на клочке бумаги. “Я просто переработал модель, и мы направим ее в какой-нибудь другой журнал”, — такова была его реакция».

Пишке признает, что в начале карьеры Асемоглу, возможно, слишком разбрасывался в своих интересах, но настаивает, что его партнер по исследованиям быстро развил свой аналитический потенциал, позволяющий ему удовлетворять столь ненасытную любознательность. «У него очень широкие интересы и познания, и он действительно работает одновременно в нескольких областях, но он обладает необходимыми способностями, чтобы справиться со всей этой работой».

Практическое созерцание

В результате «практического созерцания» экономических истоков демократии Асемоглу пришел, через серию статей в журналах, к написанию второй книги (Acemoglu, 2008), в которой рассматривались временные параметры и распространение демократии. «Введение в вопросы современного экономического роста» (Introduction to Modern Economic Growth), учебник объемом в более тысячи страниц на основе курсов, которые он преподает в МТИ, сделал следующий шаг от вопроса «Почему возникает демократия?», который он задал в первой книге, к вопросу — дальше в книге — «Когда возникает демократия?» В этом случае Асемоглу также находит определяющее экономическое обоснование.

«Мы проделали большой объем эмпирических работ, показывающих наличие явной причинной связи между открытыми экономическими институтами — которые поощряют участие широких слоев общества, обеспечивают соблюдение прав собственности, не допускают экспроприации — и экономическим ростом, — говорит Асемоглу. — Между демократическими политическими институтами и ростом не прослеживается столь же явной связи».

Политика и институты, отмечается в учебнике, имеют определяющее значение для понимания процесса роста с течением времени. Далее в книге эта теоретическая база используется для объяснения двух ключевых аспектов вопроса «Когда возникает демократия?»: почему до 1800 года мировая экономика не испытывала устойчивого экономического роста? И почему стремительный экономический рост начался около 1800 года и именно в Западной Европе?

В учебнике утверждается, что устойчивый экономический рост отсутствовал до 1800 года, во-первых, поскольку ни одно общество до этого не инвестировало в человеческий капитал, не давало возможности новым компаниям внедрять новые

Мантра из кино

Формируя свою оценку причин мирового финансового кризиса, начавшегося в 2008 году, и средств его преодоления, Асемоглу неожиданно для самого себя стал повторять и адаптировать реплики из известного киносценария. В вышедшем в 1987 году фильме Оливера Стоуна «Уолл-стрит» главный отрицательный герой Гордон Гекко, которого играл Майкл Дуглас, произносит знаменитые слова: «Жадность, за неимением лучшего слова, — это хорошо. Жадность — это правильно. Жадность работает. Жадность разъясняет, выявляет главное и отражает суть духа эволюции».

В раннем анализе мирового кризиса (Acemoglu, 2009) Асемоглу констатирует: «Глубоким и важным вкладом экономической науки является открытие, что жадность сама по себе не хороша и не плоха. Когда она направлена на максимизирующие прибыль, конкурентные и новаторские действия при соблюдении законов и установленных правил, жадность может служить двигателем инноваций и экономического роста. Но если ее не сдерживают надлежащие институты и правила, она перерождается в стяжательство, коррупцию и преступность».

Асемоглу видел этот фильм и вспомнил монолог Гекко, когда писал свой тезис о жадности. «Все откликаются на стимулы. Для подавляющего большинства людей существует континуум между честолюбием и жадностью, и именно здесь играют свою роль институты. Институты могут поставить заслон невоцерковленному поведению посредством таких функций, как регулирование монополий, чтобы не дать им подавить конкурентов. Жадность плоха, только когда она используется во зло. Институты могут направлять жадность на достижение совершенства».

Однако Асемоглу предостерегает, что институты США, которые в 1980-е и 1990-е годы побуждали банкиров и финансистов направлять свою жадность на благо, теперь ликвидированы. «Мы, профессиональные экономисты, дающие рекомендации, и должностные лица, принимающие законы, демонтировали систему, которую использовали эти институты, и не заменили ее какими-либо механизмами, сдерживающими поведение финансовой индустрии. Так был открыт путь плохой жадности».

технологии и в целом не давало простора силам созидательного разрушения; и, во-вторых, поскольку во всех обществах до 1800 года правили авторитарные политические режимы. То, что экономический подъем начался в западной Европе, объясняется расширением международной торговли после открытия Нового света и новых морских путей. Рост торговли стимулировал коммерческую активность и усилил экономическое и политическое влияние новой группы купцов, торговцев и промышленников, которые стали действовать независимо от европейских монархий.

Асемоглу признает, что авторитарные режимы могут добиться экономического роста, но настаивает, что такой рост не может быть устойчивым. «Это происходило время от времени в течение 300–400 лет в древнем Риме, и это немалый срок, но с тех пор все происходит значительно медленнее. Это наблюдается также последние 20 лет — и, вероятно, будет происходить в течение следующих 20-ти лет — в Китае, но при авторитарных режимах существует три препятствия для роста: всегда есть стимулы для того, чтобы такие режимы стали еще более авторитарными; эти режимы обычно используют свою власть для сдерживания описанного Шумпетером созидательного разрушения, которое принципиально важно для поддержания роста; и в авторитарном режиме всегда идет внутренняя борьба за власть, которая порождает нестабильность и неопределенность».

Асемоглу и Робинсон уже работают над своей следующей книгой, «Почему государства становятся банкротами?» (*Why Do Nations Fail?*) После вопроса «Почему возникает демократия?»

Лекарство может оказаться причиной болезни

Асемоглу видит основания опасаться, что меры политики, которые использовались для преодоления текущего мирового финансового кризиса, возможно, заронили семена следующего кризиса. «Создаем ли мы почву для очередного кризиса посредством мер, которые мы задействовали для решения текущей проблемы? Мне кажется, что это вполне серьезный риск».

Когда кризис спадет, мы вернемся в привычное русло и ничего не сделаем для устранения этого риска. До кризиса в США на долю примерно 20 крупных банков приходилась значительная часть ВВП и еще большая часть общей суммы прибыли корпораций и оплаты труда работников финансового сектора. Теперь осталось пять или шесть таких организаций, так что система стала намного более монополизированной. Финансовые организации США уяснили для себя, что явной подоплекой мер по преодолению кризиса было: «Вы слишком большие, чтобы позволить вам обанкротиться». Так теперь они «слишком большие, чтобы позволить им обанкротиться в квадрате».

Они полагали, что правительство США готово оказать им экстренную помощь в той или иной форме, и располагает для этого политической поддержкой. Сейчас, если вы председатель крупного банка и ваши акционеры доверили вам функцию максимизации прибыли, вы просто обязаны извлечь максимальную выгоду из всего, что государство может вам предоставить в существующей нормативно-правовой среде».

С другой стороны, при наличии надлежащей системы регулирования, фидуциарная обязанность председателя перед акционерами банка состояла бы в достижении максимального уровня прибыли путем совершенствования финансового посредничества, а не расширения собственных торговых операций, то есть операций, осуществляемых банками за счет собственных средств, а не для своих клиентов. Трудно представить, чтобы результатом эффективного распределения ресурсов в капиталистической системе была система, в которой источником значительной части прибыли в экономике США становятся собственные торговые операции вместо финансового посредничества или сделок слияния и поглощения».

в их первой книге и «Когда возникает демократия?» в учебнике Асемоглу, в третьей книге в серии, которую можно неофициально считать трилогией, вероятно, будет поднят вопрос: «Если не демократия, то что?» «Дисфункциональные общества вырождаются, становясь государствами-банкротами, — утверждает Асемоглу. — Но мы можем этому противодействовать. Мы можем строить государства, в которых имеется необходимая инфраструктура, и соблюдают законность и порядок, в которых люди могут уверенно и спокойно открывать свое дело и полагаться на государственные услуги. Однако для этого отсутствует политическая воля. Для реализации такого плана не нужны армии, требуется лишь работающий бюрократический аппарат для формирования институциональных основ рынка».

Структура вознаграждения

В своем анализе проблемы государств-банкротов Асемоглу будет стремиться показать, почему некоторые страны достигают экономического подъема, а другим это не удается. Одним из элементов этого анализа будет оценка того, как меры политики и институты непосредственно влияют на способность общества обеспечить современный экономический рост. Эти меры политики и институты определяют структуру вознаграждения в обществе и прибыльность инвестиций, контроль за исполнением договоров, законность и порядок и инфраструктуру; формирование рынка и возможность смены менее эффективных субъектов более эффективными, а также открытость данного общества для новых технологий, которые потенциально могут повредить интересам должностных лиц, обладающих политическими связями.

В выводах этой работы, вероятно, вновь будет затронут отмеченный в «Диктатуре и демократии» контраст между способствующими экономическому росту группами институтов, формируемых при демократических режимах, и препятствующими росту институтами, создаваемыми при авторитарных режимах с целью эксплуатации ресурсов.

Какие еще масштабные планы может вынашивать такой полный энтузиазма, эклектичный и непредсказуемый ученый в глубине своего кабинета в МТИ и примыкающего к нему холла, заполненного шаткими кипами научных журналов, периодических изданий, справочных материалов и потрепанных рукописей? Что касается личной жизни, его жена Асу в мае ждет их первого ребенка, «так что моя главная цель в личном плане — стать неплохим отцом». Говоря о своей основной профессиональной цели, Асемоглу проецирует свои разносторонние научные интересы на более широкое полотно. «Необходимо расширить междисциплинарный диалог и основанную на фактах дискуссию по важным темам общественных наук. В США публичные интеллектуалы воспринимаются как неудачники, тогда как в Соединенном Королевстве они участвуют в диалоге на национальном уровне. Я хотел бы видеть такой же процесс в этой стране, и, возможно, участвовать в нем».

Однако возвращение в Турцию не входит в ближайшие планы Асемоглу. «Я не могу вернуться, так как я уехал из страны, не отслужив в армии. Меня арестуют, если я вернусь». Мера наказания? Обратно в тюрьму. ■

Саймон Уилсон — старший редактор журнала «Финансы и развитие».

Литература:

Acemoglu, Daron, 2008, *Introduction to Modern Economic Growth* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press).

———, 2009, “The Crisis of 2008: Structural Lessons for and from Economics,” *CEPR Policy Insight No. 28* (London: Centre for Economic Policy Research).

———, and James Robinson, 2006, *Economic Origins of Dictatorship and Democracy* (Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press).